

УДК [070:37](470-89)+929Блонский

ДО ПЕРЕЛОМА: ВКЛАД П. П. БЛОНСКОГО В РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ДО 1917 ГОДА

И. А. Фатеева

Фатеева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры медийно-информационной грамотности и медиаобразования (ЮНЕСКО), Московский педагогический государственный университет, fateevafia@gmail.com

Статья посвящена участию выдающегося ученого П. П. Блонского (1884–1941) в педагогических изданиях в период до 1917 г. включительно. Особое внимание уделено его сотрудничеству с журналами «Вестник воспитания» и «Свободное воспитание». На основе архивных материалов, мемуаров и анализа публикаций сделан вывод о значительном вкладе П. П. Блонского в досоветскую педагогическую прессу.

Ключевые слова: П. П. Блонский, педагогическая журналистика, мемуары, «Вестник воспитания», Ю. А. Бунин, «Свободное воспитание», И. И. Горбунов-Посадов.

Before the Turn: P. P. Blonsky's Contribution to the Development of Pedagogical Journalism before 1917

I. A. Fateeva

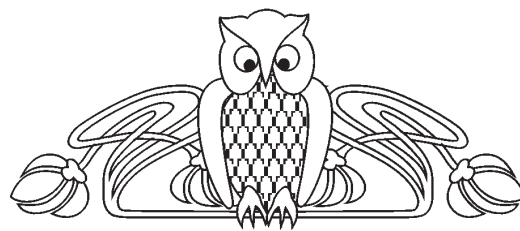
Irina A. Fateeva, ORCID 0000-0003-2119-2120, Moscow State University of Education, 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia, fateevafia@gmail.com

The article is dedicated to the participation of a prominent scientist P. P. Blonsky (1884–1941) in pedagogical publications up to and including 1917. The article specially focuses on his collaboration with the journals *Vestnik vospitaniya* (Education Bulletin) and *Svobodnoye vospitaniye* (Free education). Based on archive materials, memoirs and analysis of publications the conclusion is drawn on the significant contribution of P. P. Blonsky to the pre-Soviet pedagogical press.

Key words: P. P. Blonsky, pedagogical journalism, memoirs, *Vestnik vospitaniya*, Yu. A. Bunin, *Svobodnoye vospitaniye*, I. I. Gorbunov-Posadov.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-472-477

Тема участия выдающегося русского ученого П. П. Блонского (1884–1941) – реформатора школы и одного из основателей советского педагогического образования – в прессе его времени практически не разрабатывалась в науке о журналистике и массовых коммуникациях, несмотря на то, что он имел непосредственное отношение к периодической печати как активный сотрудник значительного количества универсальных и специализированных изданий и даже редактор некоторых из них. Сведений об этом либо вообще нет (требуется базовая работа с первоисточниками); либо они в имплицитном виде содержатся в мемуарно-справочной литературе, подчас изданной еще в прошлом веке (когда запрет на советскую

педологию 1920-х и начала 1930-х гг. был снят); либо эти сведения в несистематизированном виде разбросаны по публикациям, написанным в рамках смежных наук (педагогике, психологии, философии и проч.), но в историко-журналистский контекст они не включены. Таким образом, актуальность предпринимаемой нами работы бесспорна.

Однако поставить перед собой цель представить и обобщить все имеющиеся у нас на сегодняшний день сведения о вкладе Блонского в прессу, вписать его научно-публицистическое творчество в историю отечественной журналистики мы не рискуем – сделать это в рамках одной статьи просто невозможно. Данная работа посвящена раннему Блонскому (до 1917 г. включительно), причем в ней анализируются его публикации только в педагогической прессе. Верхняя временная граница определяется не столько тем, что это водораздел между двумя принципиально разными эпохами в истории российского общества и, соответственно, журналистики, сколько спецификой внутренней эволюции П. П. Блонского как ученого и сотрудника газет и журналов: до 1917 г. он проходит ученический и «излагательский» (термин Блонского!) этап творчества, его мировоззрение и социально-педагогическая система только складываются, в прессе он выступает исключительно как автор. С 1918 г. его место в расстановке интеллектуальных сил меняется: он становится одним из признанных лидеров новой, советской, педагогики, занимает видные руководящие посты в системе образования, науки и просвещения; то же можно сказать и в плане журнально-издательского дела: Блонский выполняет теперь уже редакторские функции, возглавляя и направляя те или иные издания (правда, не всегда делая это на официальном уровне).

Источниками для нас будут служить материалы ученого, хранящиеся в научном архиве РАО, его опубликованные и неопубликованные научные, мемуарные, публицистические работы; исследования историков, педагогов, психологов и других специалистов, имеющие отношение к наследию Павла Блонского, а также мемуарные свидетельства о нем его современников.

Прежде всего, следует обратить внимание на мемуары самого ученого («Мои воспоминания»), подготовленные к печати его вдовой, Н. И. Блонской, и опубликованные в 1971 г. Не вдаваясь в анализ причин, укажем, что, по сравнению с име-

ющимся в Научном архиве РАО машинописным вариантом текста воспоминаний, опубликованный вариант значительно короче, следовательно, для воссоздания более полной картины событий целесообразно использовать обе версии текста, отдавая предпочтение архивной.

Печататься в прессе Павел Петрович начал довольно рано: сначала он публиковал там свои стихи (газеты «Киевское слово» и «Жизнь и искусство»), затем – продукты политической деятельности (например, устав профсоюза строительных рабочих, который он составил, провел на их собрании и напечатал в газете «Киевские отклики»¹). В это время он был уже студентом отделения классической филологии в Киевском университете. В 1907 г. начинается его сотрудничество с авторитетным научным журналом «Вопросы философии и психологии» (издавался Московским психологическим обществом), но поскольку это издание не педагогического, а преимущественно философского профиля, оно находится вне предмета нашего анализа.

Прослушав в Киеве полный университетский курс, но еще не сдав итогового экзамена, Павел Петрович, находившийся, кстати, в это время на нелегальном положении (чтобы избежать очередного ареста и ссылки), переезжает в Москву (1907) вслед за своим научным руководителем Г. И. Челпановым, получившим в Московском университете кафедру. Покидая родину, молодой Блонский «предполагал жить литературным скромным заработком», т. е. именно журналистикой. Однако это его намерение осуществилось не сразу: «Написав несколько рецензий, я понес их в редакцию журнала. Встретила меня какая-то дама. Беря рецензию, она спросила:

– А кто вас знает? Кто вас может рекомендовать?

Этого я не ожидал.

– Может быть, эти рецензии, – ответил я.

– Но ведь редакция не имеет возможности проверять каждую рецензию, – возразила она»².

Столкнувшись с таким приемом, юноша понял, что ему надо сдать-таки госэкзамен и легализоваться в качестве молодого ученого, оставленного в университете для получения профессорского звания. Пойдя по этому пути (став магистрантом-вольнослушателем и даже начав преподавательскую карьеру в частных и казенных учебных заведениях Москвы, где ему предложили чтение курса педагогики), он, тем не менее, не добился доступа к журналам, адресованным широкой публике: «У меня не было никаких связей ни с прессой, ни с издательствами. В 1912 году я сделал попытку проникнуть в прессу. Я послал в газету статью о Руссо (была его годовщина). Статья не была напечатана. В журнал “Вестник просвещения” я послал предложение своих услуг по рецензированию книг с указанием, что я преподаватель педагогики таких-то учебных заведений. Но там “не знали меня”»³. В архивном варианте

мемуаров про реакцию «Вестника просвещения» читаем в чуть более развернутом варианте: «Мне даже не ответили. Впоследствии секретарь редакции, вспоминая мое письмо, говорил, что не ответили, так как “не знали меня”»⁴.

Только получив в 1913 году статус приват-доцента Московского университета, Блонский «стал патентованным ученым» и, как он выразился в другой мемуарной работе («Как я стал педагогом»), с 1914 г. «пустился в педагогическую печать»: «Таким образом, как сравнительно поздно, только с 24 лет, я начал учиться педагогике, так точно поздно, лишь в 30 лет, началась моя педагогическая писательская деятельность»⁵.

Та настойчивость, с которой будущий ректор Академии социального воспитания добивался поставленной в юности цели стать своим в педагогических журналах, не должна нас удивлять; это не столько вопрос заработка, сколько осознание того, насколько важным феноменом является пресса и как плодотворна может быть деятельность «популяризатора, работающего по педагогическому просвещению»: «Познакомившись с состоянием педагогики в свои “ученические годы”, теперь я стремился передать это свое знание другим. Мне хотелось в “наш век педагогического дилетантизма”, как я тогда выражался, делать широко известными все существующие взгляды, мнения и теории по той или иной педагогической проблеме»⁶.

Следует отметить, что к моменту начала сотрудничества Блонского в русской прессе она прошла уже довольно значительный путь (более 210 лет), причем педагогическая тема всегда занимала в ней достойное место. Ей отдали дань такие корифеи журналистики, как Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, П. И. Пнин, И. И. Мартынов, А. А. Бестужев и др. Однако собственно педагогические журналы появились только в середине XIX в., а настоящий бум изданий данного профиля относится к эпохе первой русской революции, т. е. как раз к тому времени, когда П. П. Блонский учился в университете и формировался как личность. По некоторым данным⁷, за 1905–1907 гг. в России возникло 18 педагогических журналов, плюс к ним надо прибавить значительное количество изданий, перешедших в новый век из века девятнадцатого. Общее число существовавших тогда газет и журналов педагогического профиля – 34 (8 – в Петербурге, 8 – в Москве, 18 – в провинции)⁸.

Бурное развитие этой отрасли печати продолжалось и после 1907 г. По некоторым сведениям, суммарно с момента зарождения педагогической прессы и до Октябрьской революции 1917 г. в 50 городах России выходило в разное время свыше 300 изданий, посвященных вопросам обучения и воспитания детей. Одним из крупнейших центров их производства была именно Москва. И с 1914 г. в них начал печататься П. П. Блонский. Сам он не очень высоко оценивал свои «самые первые по

времени» печатные работы («все они случайного происхождения, и тематика их скорее излагательского характера»); в зрелые годы он признавался, что писал их «с одной целью – проложить дорогу в педагогическую прессу»⁹. Однако, несмотря на критическое отношение к дебютным работам, большую их часть ученый бережно хранил в своей домашней библиотеке. По воспоминаниям Н. А. Зиневича, заведовавшего в 1925–1929 гг. библиотекой Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, где в то время работал Блонский, свои статьи Павел Петрович вырезал и вкладывал в отдельные обложки по названиям журналов.

Зиневич утверждал, что досоветский период был представлен в этом собрании 19 статьями, опубликованными в 9 журналах: «Вопросы философии» (по всей видимости, имеются в виду «Вопросы философии и психологии»), «Вестник воспитания», «Журнал для воспитателей и народных учителей», «Школа и жизнь», «Учитель», «Известия по народному образованию Московской городской думы», «Психология и дети», «Психологическое обозрение», «Народное образование»¹⁰. Список этот явно неполный. В нем как минимум не хватает журналов «Свободное воспитание» и «Гермес», а также «Педагогического листка».

Из названного списка два издания – научно-философские («Гермес» и уже известные нам «Вопросы философии и психологии»), а остальные педагогические (или психолого-педагогические), поэтому представляют несомненный интерес в свете нашей темы.

Особого внимания среди них заслуживает «Вестник воспитания» (1890–1917). Во-первых, именно в этом журнале состоялся в 1914 г. дебют Блонского в педагогической журналистике (статья «Педагогика прогресса и человечности»), к тому же на это издание приходится наибольшее количество его публикаций 1914–1917 гг. И, наконец, имеет значение качество и влияние самого журнала. О нем Блонский вспоминал так: «Это был один из лучших передовых педагогических журналов того времени. Издавался он ежемесячно: первая половина книжки заполнялась статьями общепедагогического характера, вторая – хроникой и очень солидно поставленным критико-библиографическим отделом. Издавал журнал доктор Михайлов, но все переговоры с авторами вел секретарь редакции Бунин, брат известного поэта. Это был невысокого роста, полненький человек, типичнейший член московских интеллигентских клубов. В общении, по крайней мере со мной, он был молчалив: чуть ли не молча принимал от меня новую рукопись, выслушивая мои также лаконичные фразы о содержании ее. Вел он дела журнала образцово: статьи не залеживались, и автор довольно скоро получал на дому авторскую книжку журнала с приложением гонорара. Все было очень культурно и прогрессивно в хорошем

смысле этого слова. Раз войдя в журнал, потом печататься в нем было легко. Мне казалось даже, что Бунин не очень-то и читал мои следующие статьи, а печатал их после самого беглого просмотра»¹¹.

Характеристика, которую дает Ю. А. Бунину (1857–1921) и его журналу Блонский, вполне коррелирует с тезисами современных исследователей о них. Так, Н. Н. Кознова утверждает, что именно Ю. А. Бунин с 1897 г. и до закрытия журнала «оставался реальным выпускающим редактором “Вестника воспитания” и проводил его основную реформу, а Н. Ф. Михайлов являлся редактором лишь номинально, на самом деле исполняя функции издателя»¹². По ее оценкам, долгие и успешную жизнь «Вестнику воспитания» обеспечили «универсальность, многосторонность, почти энциклопедичность, с одной стороны, и верность традициям, систематическая и добросовестная редакторская работа, с другой»¹³.

Наиболее значительными статьями Блонского, опубликованными в этом журнале накануне революционного 1917 г., были «Задачи и методы народной школы», «Как мыслить среднюю школу», «Аксиомы педагогического дилетанства». В своих воспоминаниях автор особо выделяет первую из названных статей: «Ни одна из моих работ не писалась так, как “Задачи и методы народной школы”. Были очень тяжелые дни моей личной жизни... После очень долгого, чуть ли не одиннадцатичасового рабочего дня я лег спать. Но скоро, как от толчка, проснулся. Лихорадочно работал мозг, и чуть не сами собой шептались первые фразы этой статьи. Я сел писать ее глухой ночью. И в дальнейшем она как бы сама писалась»¹⁴. Это классическая репрезентация творческого вдохновения, инсайта, как бы снизошедшего на автора откуда-то извне.

Статья сделала автора известным в преподавательских, научных и издательских кругах. Значительная часть ее была перепечатана журналом «Свободное воспитание», издававшимся с 1907 г. убежденным толстовцем и руководителем известного своей просветительской деятельностью издательства «Посредник» И. И. Горбуновым-Посадовым (1864–1940). Журнал продолжал традиции толстовской педагогики, восходящие к журналу «Ясная Поляна», знакомил с веяниями прогрессивной зарубежной педагогики, отслеживал новинки отечественной педагогической литературы и прессы. Программная статья Блонского в «Вестнике воспитания» обратила на себя внимание редактора «Свободного воспитания».

В архиве Блонского хранится адресованная ему почтовая карточка от И. И. Горбунова-Посадова, как нам кажется, относящаяся именно к этому времени (1916). В ней Горбунов-Посадов высоко оценивает статью Блонского («Вы говорите такое самое нужное») и сообщает, что «посылает ее в набор, выбрасывая для этого одну вещь из верстающегося “Свободного воспитания”», приглашает Павла Петровича к дальнейшему

сотрудничеству с журналом и выражает свою радость по поводу того, что он и его адресат «очевидно...единомышленны в некоторых коренных взглядах»¹⁵. На самом деле общность в педагогических взглядах редактора «Свободного воспитания» и Блонского действительно была (например, в плане оппозиции к традиционной педагогике), хотя современный историк образования с высоты наших лет отнес бы их к разным направлениям отечественной педагогики: И. И. Горбунова-Посадова как последователя Л. Н. Толстого и идей «свободного воспитания» – к индивидуально-гуманистическому, развивающему личностно-центрированные подходы к формированию ребенка (К. Н. Вентцель, М. М. Рубинштейн, С. И. Гессен и др.), а Блонского – к социально-педагогическому, нацеленному на педагогизацию социума, на использование его возможностей в воспитательной деятельности, на включение учащихся в деятельность по преобразованию общества (Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко и пр.)¹⁶. Однако в полной мере эта разница в подходах обозначится чуть позже, когда Блонский в более крупных работах конкретизирует свои идеи. Иван Иванович Горбунов-Посадов еще напечатает в 1918 г., ставшем финальным для его издания, еще одну работу Блонского¹⁷, а дальше их пути разойдутся. Однако в мемуарах Блонский упоминает редактора «Свободного воспитания» и как реликвию будет хранить в своих бумагах исписанную с двух сторон почтовую карточку от старшего коллеги.

Не всегда статьи писались так, как были созданы «Задачи и методы народной школы», – иногда тематика задавалась извне: «Порученный мне доклад на публичном заседании памяти К. Д. Ушинского “Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики” был напечатан в “Педагогическом листке”. Также заказаны были лекция “Миросозерцание и профессия” и статья “Личность ребенка и воспитание” для нового журнала “Психология и дети”. Эти заказанные статьи были первым предостережением мне не увлекаться ими: каждая следующая была хуже предыдущей. Вообще у меня, кажется, лучше всего выходило то, что я писал по своему почину»¹⁸. Будущий психолог уверен: «Нужно, чтобы тема рождалась из самого пишущего и чтобы в ней он высказывался по-своему, иначе невольно он начинает считаться не с собой и не с “далеким читателем”, т. е. тем настоящим читателем – массой, кому он пишет, а с редактором, заказавшим статью»¹⁹.

С историко-журналистской точки зрения стоит прислушаться к следующему замечанию мемуариста: «Я писал под тройной цензурой – официальной, учебного округа и энесовско-кадетской. Поэтому приходилось прибегать и к недомолвкам, и к драпировкам»²⁰. Действительно, если речь идет о кануне Февральской революции и времени сразу после нее, то следует учитывать, что в марте 1916 г. Государственной думой был

утвержден проект нового закона о военной цензуре, которая после этого вводилась по всей стране (тогда как в начальный период Первой мировой войны она действовала только на прифронтовых территориях), причем трактовалась она довольно расширительно (это о цензуре официальной)²¹. Под цензурой учебного округа, видимо, следует понимать некоторые ограничения, которые объяснялись тем, что Блонский не был свободным автором – он служил по учебному ведомству, преподавал в том числе в казенных заведениях, следовательно, был обязан считаться с ведомственными гласными установлениями и негласными запретами.

Что касается энесовско-кадетской цензуры, здесь надо иметь в виду цензурный режим, неофициально формировавшийся общественной атмосферой, в которой тон задавали центристские партии, тогда как сам Блонский идеологически тяготел к левому флангу тогдашнего политического спектра (еще с 1903 г., со времен студенчества и пропагандистской деятельности среди киевского рабочего люда, он был связан с партией эсеров; в эту же партию он вступил в мае 1917 г., правда, ненадолго): «В тогдашнем педагогическом мире я был одиночкой, и я ясно это сознавал. Я подвергался опасности репрессии со стороны правительства и клеветы со стороны мнимых прогрессистов. И то и другое мне пришлось испытать: в 1915 году я чуть не лишился всех своих мест, а в 1917 году меня травил прогрессисты»²².

Про «травлю прогрессистов» в этой статье говорить не место, поскольку Блонский здесь, скорее всего, намекает на скандал, разразившийся в ответ на его «Письмо в редакцию», протестующее против бессрочной забастовки, объявленной учителями московских городских школ, не согласными с приходом к власти большевиков. Оно было опубликовано в «Известиях Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» (1917. № 208 (214)), это издание не педагогическое, а общественно-политическое. А вот упоминание о неких репрессиях «со стороны правительства» в 1915 г. прокомментируем. Речь идет о последствиях конфликта с инспектором народных училищ на летних учительских курсах в городе Острогжске Воронежской губернии («первоклассным мерзавцем», по определению Блонского²³). Последствия проявились перед началом учебного года: ученому позвонили с Тихомировских женских курсов и сообщили, что он не допущен к преподаванию. Встретившись с председателем курсов Н. В. Чеховым, Павел Петрович узнал, что в учебный округ на него «поступили неблагоприятные сведения... сразу из двух министерств – внутренних дел и народного просвещения». Ситуация была сложная: «...беда грозила немалая – вылететь отовсюду и остаться без заработка»²⁴.

Причина возникших сложностей с трудоустройством, без сомнения, лежала не в сфере межличностных отношений, а гораздо глубже.

Дело в том, что как лектор Блонский не был политически нейтрален, в мемуарах он выразился об этом достаточно определенно: «... в годы реакции моя роль как лектора по педагогической психологии на земских учительских курсах могла быть до некоторой степени суррогатом революционной деятельности»²⁵. Как следствие, за ним был установлен негласный надзор полиции. При подготовке к печати воспоминаний этому нашли документальные подтверждения – донесение Правителя Канцелярии Главногоначальствующего Губернатора Тверской губернии Бежецкому Уездному Исправнику. В нем чиновник дает предписание установить за деятельностью Блонского «негласное наблюдение и если он будет замечен в чем-либо предвудительном в политическом отношении немедленно о том доносить»²⁶.

В новую историческую эпоху, т. е. после падения самодержавия и установления власти Временного правительства, Блонский, обнадеженный переменами, активнейшим образом участвовал в общественной жизни, например в рамках созданного в Москве «Союза деятелей средней школы». Однако очень быстро наступило разочарование в результатах Февральской революции, поскольку «в области просвещения все оставалось без изменений»²⁷. В конце концов Блонский порывает с «Союзом»; например, в архиве есть выписка об его отказе войти в Правление этой организации, несмотря на факт избрания его туда осенью 1917 г. всеобщим голосованием, и о его дальнейшем выходе из «Союза» вообще²⁸.

В масштабах Москвы Павел Петрович становится руководителем некоего педагогического кружка, вместе с членами которого он работал в 1917 г. над альтернативным правительственному Проектом программы начальных городских школ – по завершению он был напечатан в «Известиях по народному образованию Московской городской думы».

Перестав связывать свои надежды с организационными формами «кадетско-энесовской» власти, Павел Петрович возвращается к хорошо ему известным формам влияния на ситуацию с помощью печатного слова: «Пусть Временное правительство сочиняет свои никчемные программы по народному просвещению. Я писал брошюры и статьи»²⁹. Перечислим наиболее значительные из созданных в это время работ: «Школа и общественный строй», «Школа и рабочий класс», «О программе и организации народной школы». Через несколько лет, в пору членства Блонского в Научно-педагогической секции Государственного Ученого Совета (с 1921 г.), именно эти работы (вкупе с тем самым Проектом для начальных городских школ) лягут в основание разрабатывавшихся ГУСом программ советской трудовой школы I ступени.

Подведем общие итоги рассмотрения участия молодого П. Блонского в прессе.

В первую очередь, отметим бесспорный социальный темперамент, которым обладал герой

нашего исследования, что с неизбежностью привело его к активному вмешательству в жизнь через журналистику. Будучи ученым-педагогом, он прежде всего, разумеется, участвовал в специализированных изданиях, однако темы, которые он избирал для своих газетно-журнальных публикаций (статей, рецензий, обзоров, эссе, комментариев, проектов программ и т. д.), очень часто выходили за рамки «чистой науки» – это было решение наиболее актуальных проблем в области образования и просвещения, стоящих перед российским обществом и самыми широкими народными массами, с позиций гуманизма, демократизма, отстаивания идеалов свободы личности, защиты семьи и детства, а также равных прав всех граждан на развитие, независимо от состояния, национальности, пола и других обстоятельств.

Ищущий себя на публичном поприще, Блонский активно осваивал нарабатанные лучшими изданиями практические навыки, впитывал сложившиеся в качественной прессе традиции и ценности, в нем проявился вкус к открытой полемике, он на собственном примере прочувствовал всю силу печатного слова и в конце концов оказался готов к выходу на новый уровень журнально-издательской деятельности – к выполнению функций редактора, руководителя и идейного вдохновителя педагогического журнала, что и стало в условиях кардинальных реформ образовательной системы в Советской России основным содержанием его деятельности в сфере педагогической журналистики с 1918 г.

Примечания

- 1 См.: Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 8. Л. 90.
- 2 Блонский П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 82.
- 3 Там же.
- 4 Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 8. Л. 197.
- 5 Блонский П. Избранные педагогические произведения. М., 1961. С. 40.
- 6 Там же. С. 40–41.
- 7 См.: Месеняшин И. Педагогическая журналистика в годы первой русской революции // Народное образование. 1966. № 1. С. 83–86.
- 8 См.: Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. Г. Панов. Т. 1. М., 1993. С. 311.
- 9 Блонский П. Мои воспоминания. С. 122.
- 10 См.: Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 318. Л. 191–192.
- 11 Там же. Д. 8. Л. 197.
- 12 Кознова Н. Юлий Бунин – редактор журнала «Вестник воспитания» // Изв. ВГПУ. 2016. № 4 (108). С. 22.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 Блонский П. Мои воспоминания. С. 124.
- 15 Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 259. Л. 1.
- 16 См.: Богуславский М. Итоги и перспективы развития историко-педагогического знания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2011. № 1. С. 17–30.
- 17 См.: Блонский П. О воспитании в наши дни // Сво-

- бодное воспитание и свободная школа. 1918. № 1–3. С. 138–139.
- ¹⁸ Блонский П. Мои воспоминания. С. 127.
- ¹⁹ Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 8. Л. 173–174.
- ²⁰ Блонский П. Мои воспоминания. С. 123.
- ²¹ См.: Бережной А. К истории отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 107.
- ²² Блонский П. Мои воспоминания. С. 83.
- ²³ Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 8. Л. 186.
- ²⁴ Там же. Л. 187.
- ²⁵ Блонский П. Мои воспоминания. С. 112.
- ²⁶ Научный архив РАО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 200. Л. 1. Орфография и пунктуация источника сохранены.
- ²⁷ Блонский П. Мои воспоминания. С. 136.
- ²⁸ См.: Научный архив РАО. Ф. 112. Д. 203. Л. 1.
- ²⁹ Блонский П. Мои воспоминания. С. 140.

Образец для цитирования:

Фатеева И. А. До перелома: вклад П. П. Блонского в развитие педагогической журналистики до 1917 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 472–477. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-472-477.

Cite this article as:

Fateeva I. A. Before the Turn: P. P. Blonsky's Contribution to the Development of Pedagogical Journalism before 1917. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 472–477 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-472-477.
